

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Матвеевой Алевтины Сергеевны
на тему: «Эмоции в письмах поздневизантийских интеллектуалов»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Византийская эпистолография — очень неподатливый материал. То, что на первый взгляд кажется окошком в византийскую повседневность, на поверку оказывается записью ходов одной из сторон в сложной риторической игре, ни правил, ни последовательности ходов которой мы не знаем. Намеренно лишённые всякой конкретики и изобилующие намеками на обстоятельства, которые нам никогда не будут известны, византийские письма неизбежно разочаровывают исследователя-историка. Единственное утешение — византийским читателям было не легче. Иногда кажется, что у Никифора Хумна или Матфея Эфесского в XIV в. было не больше и не меньше потенциальных читателей, чем в XXI в. И в том, и в другом случае речь идет о паре десятков интеллектуалов. Даже среди византинистов специалисты по письмам эпохи Палеологов — штучный товар. Рецензируемая диссертация несомненно вводит в этот узкий круг и Алевтину Сергеевну.

Цель, которую ставит перед собой диссертант, — дать коллегам-исследователям шифр к эмоциональному коду, который используют поздневизантийские интеллектуалы в переписке, предложив инструмент для анализа эмоциональной топики писем, который позволит, с одной стороны, видеть в повторяющемся (и даже типичном) не безвкусицу и имитацию, а стремление соответствовать канонам эпистолярного этикета, а с другой, — отслеживать отступления от правил и (почему бы и нет?) даже распознавать смутные отражения реальных чувств и волнений писателей. Несмотря на рост внимания к эмоциональному миру византийцев (и его преломлению в литературе) в международной науке в последние годы, таким образом цель, насколько мне

известно, никогда не формулировалась, что однозначно говорит об актуальности и новизне работы.

Впрочем, диссертант ставит перед собой даже более сложную задачу, поскольку одновременно с первой целью, преследует еще одну, причем не менее амбициозную — найти точки соприкосновения между церковной и светской литературой, прочитав в контексте поздневизантийской ученой эпистолографии три коллекции духовной переписки. Специалисты по поздневизантийским интеллектуалам, астрономам, филологам и знатокам античности, с одной стороны, и специалисты по монашеской литературе того же периода, с другой, говорят на разных языках и банально плохо знают источники, с которыми работают их коллеги.

Но и этого мало — третья область знания, в которой утверждает свое место диссертант, — это гендерная история, поскольку в фокусе внимания Алевтины Сергеевны оказываются прежде всего именно женско-мужские переписки.

Изложенное выше не оставляет сомнений, что диссертация соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история, а именно следующим ее направлениям «История Средних веков (история Византии)», «Социальная история», «Человек в истории», «История общественной мысли. Интеллектуальная история», «История культуры, науки и образования», «История религии и церкви», «Гендерная история» (единственное, о чем можно пожалеть, это то, что ни вторая, ни третья цели не нашли отражение в названии работы).

Столь сложное целеполагание объясняет двухчастную композицию работы: первый том посвящен эмоциональному шифру дружеской интеллектуальной переписки, второй — переписке духовной, тогда как гендерная тема служит фоном для всей работы. Важно, однако, что перед нами цельное исследование, между частями которого выстраиваются прочные связи. Если в Главе 2 автор убедительно доказывает, что для того чтобы стать полноправным участником интеллектуальной дружеской переписки, от Феодоры Раулены требовалось несколько больше, чем от интеллектуала-мужчины, а именно — выступить спонсором своих корреспондентов, то в Главе 4 мы вновь видим инвертирование ролей, но уже в

общении между Ириной Хумненой и Григорием Акиндином, которые из пары духовный отец–духовная дочь благодаря социальному положению Хумнены превращаются в пару зависимый интеллект–знатная покровительница (т. 2, с. 98–104).

Парадоксально, но исключительная основательность работы, стремление разложить все по полочкам, определить все термины, в деталях восстановить перипетии жизни героев в чем-то даже вредят диссертации. В т. 1 больше 100 страниц вводного реферативного раздела! Впрочем, и 1-я (биографическая) половина Главы 2 тоже, скорее, подготовительная с точки зрения общей цели исследования (хотя в ней есть и исследовательские фрагменты, например, о задачах, стоявших перед Кавасилой при создании «О проценте»: т. 1, с. 139). К концу первого тома читатель приходит с 33 страницами собственно анализа основного эпистолярного материала: с. 156–166 (11), 176–197 (22) (на стр. 117–120 и 130–132 анализ присутствует, но письма интересуют автора работы не сами по себе, а как источник для реконструкции биографии писателей). Первые 65 страниц 2-го тома (т.е. вся Глава 3) оказываются пространством введением к аналитической Главе 4. Желание проследить истоки поздневизантийской культуры до древнехристианских времен вполне похвально, но все же, рассуждая о духовной переписке эпохи Палеологов я бы обратил внимание на более близкий период — эпоху Комнинов, включив в очерк истории духовных женско-мужских переписок послания Иакова Монаха к севастократориссе Ирине, которые знамениты тем, что самому Иакову Монаху в них принадлежит от силы 3% текста, тогда как все остальное — попури из сочинений отцов Церкви¹. Включение в очерк посланий Михаила Глики позволило бы задаться вопросом, а так ли уж необходимо писателю быть монахом или клириком, чтобы давать духовно-нравственное наставление обратившейся к нему за моральной поддержкой женщине?

¹ Iacobi Monachi Epistulae / Edited by E. and M. Jeffreys. Turnhout: Brepols, 2009. (Corpus Christianorum, Series Graeca, 68).

Показательно послание к Феодоре Комнине, которая совершила убийство ревности и искала утешения со стороны Глики².

При работе над диссертацией автор освоил колоссальный объем научной литературы, в том числе такой, которая выходит за (к несчастью, очень ограниченный, как я знаю по себе) круг чтения византинистов: здесь и антропология, и эволюционная психология, и античная философия. На мой взгляд, диссертацию украсили бы ссылки на еще несколько работ. Утверждение «Составление и редактирование личных эпистолярных коллекций было распространенной практикой в византийской интеллектуальной среде» (т. 1, с. 40) стоило бы уточнить, заменив «византийской» на «поздневизантийской», поскольку в средневизантийское время авторских коллекций писем почти не было (сослаться можно было бы на С. Папаиоанну³). Рассуждения о превращении письма из коммуникативного акта в элемент авторского собрания сочинений (т. 1, с. 48–49) можно было бы подкрепить ссылками на труды Д. Маноловой о письмах Григоры и С. Киапиду о посланиях Глики⁴.

Автор исследования внимателен к источникам и делает меткие наблюдения. Самыми яркими и перспективными разделами в работе мне кажутся параграфы, посвященные повторному использованию писем (Феолит Филадельфийский, который, создавая послание, держит в уме две аудитории — саму Ирину Хумнену и монахинь, которым она будет читать его, когда функционально оно уже будет не письмом, а чем-то иным). Очень ценны рассуждения о «вовлечении третьих лиц» в

² Жаркая В. Ю. Михаил Глика и трое венценосных убийц // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 62. С. 11–30.

³ Papaioannou S. Fragile Literature: Byzantine Letter-Collections and the case of Michael Psellos // La face cachée de la littérature Byzantine: Le texte en tant que message immédiat: Actes du colloque international, Paris, 5-6-7 juin 2008 / Ed. P. Odorico. Paris, 2012. P. 289–328.

⁴ Manolova D. 'If It Looks Like a Letter, Reads Like a Letter, and Talks Like a Letter': The case of Nikephoros Gregoras' Letter Collection // Medieval Letters. Between Fiction and Document / Ed. Ch. Høgel, E. Bartoli. Turnhout, 2015. P. 317–334; Kiapidou E.-S. Chapters, Epistolary Essays and Epistles: The Case of Michael Glykas' Collection of Ninety-Five Texts in the 12th Century // Parekbolai. An Electronic Journal for Byzantine Literature. 2013. Vol. 3. P. 45–64.

переписку: как оказывается, наряду с письмами, специально написанными так, чтобы их можно было читать другим, у нас есть и письма, которые чужих глаз достичь не должны (Ирина явно не хотела, чтобы Феолит узнал о конфликте с Агафоникой от самой Агафоники) (т. 2, с. 75, 82–84). Есть ли между этими двумя типам писем разница на уровне языка и эпистолярных формул?

Мне как исследователю житийной литературы показались очень полезными рассуждения о внешне почти не отличимых друг от друга, но по сути принципиально разных топосах самоуничижения — интеллектуальном и монашеском (т. 2, с. 104–112) — и о конструировании образов в переписке с опорой на агиографические образцы (т. 2, с. 120 и далее).

Ограниченность базы источников иногда ведет к генерализациям, которые не отражают реальное положение дел. На с. 202 (т. 1) мы читаем: «В письмах не раз упоминается о желании автора оказаться рядом с другом, к которому он обращается. Но эта тема никак не развивается описаниями конкретного телесного взаимодействия» (ср. т. 1, с. 186). Это искажение малой выборки. Так, у Константина Акрополита (корреспондента Раулены) мы читаем: Ἰδεῖν ἀπογνοῦς καὶ πεπυσμένος ὅσον οὕτω θεάσασθαι μόνον οὐ καὶ περιβάλλω καὶ περιπτύσσομαι. ἀλλὰ γένοιτό μοι θᾶττον ἰδεῖν σε καὶ περιπτύξασθαι (ed. Romano, ep. 163).

Работа имеет внушительный объем (416 машинописных стр.), но легко читается. Она вдумчиво структурирована, написана хорошим языком⁵, лишена конфессиональной предвзятости⁶, почти свободна от опечаток⁷ (в том числе в

⁵ Отдельные огрехи впечатления не портят: «В целом, если говорить обо всей византийской литературной эпистолографии, то резкого количественного противовеса античных аллюзий в ней не наблюдается» (т. 1, с. 185). Вероятно, должно быть «перевеса»?

⁶ Хотя формулировка «Стоит отметить, что в ранневизантийский период религиозная рефлексия о страстях происходила не только в кругах сторонников ортодоксии, но и в пространстве еретической мысли» (т. 1, с. 98) неудачна. Никакая мысль не определяет себя как еретическую! Те, кого по итогам спора называют еретиками, сами себя считали сторонниками ортодоксии.

⁷ Отмечу немногие, бросившиеся в глаза: «на основе двух кодексов конца XIII — начала XVI вв.» (т. 1, с. 34; должно быть «начала XIV»); «Сходное определение находим и в “Никомаховой этики”» (т. 1, с. 94; должно быть «этике»); «не может не вызвать улыбку у его корреспондентки,

греческом⁸), снабжена солидным и корректно оформленным⁹ научным аппаратом (589 пунктов библиографии!).

Особую ценность исследованию придает опора на греческие источники, которые автор исследования переводит с мастерством и изяществом (чего только стоит перевод βαβαί как «ничего себе»: т. 1, с. 180). Диссертант прекрасно чувствует язык своих героев и наслаждается возможностью вступить с ними в заочное соревнование, отразив замысловатый синтаксис и причудливую образность их писем в русском переводе. Ценным вкладом в науку является введение в научный оборот почти неизвестного текста — посланий митрополита Халкидонского из рукописи Paris gr. 1372. Обращение к неопубликованному источнику потребовало от автора работы использования палеографических навыков.¹⁰ Диссертация не перегружена цитатами, греческий оригинал приводится только в тех случаях, когда он действительно необходим, переводы по большей части точны, а пересказы — емки.

Впрочем, отдельные замечания к переводам все же возможны:

несомненно знакомую с пародийным сюжетом» (т. 1, с. 189; должно быть «знакомой»); «Феномен византийской духовной эпистолографии возник в результате слияние традиций» (т. 2, с. 62; должно быть «слияния»); «фиксирование основных параметров женско-мужского эпистолярного общения в духовных письмах, являвшимися основным инструментом» (т. 2, с. 65; должно быть «являвшихся»); «находились вразлуки со своими наставниками» (т. 2, с. 140, прим. 966; должно быть «в разлуке»).

⁸ Пара примеров обратного: Θεσσαλονικεύσι (т. 1, с. 123, прим. 388; Θεσσαλονικεῦσι); εγγενεῖς (т. 1, с. 189; εὐ-?).

⁹ Число погрешностей на почти 1000 примечаний просто ничтожно: «Originality in the Byzantine Letter: the Case of Exil» (т. 1, с. 56, прим. 145; должно быть «Exile»); «Черноглазов Д. А. Псевдо-Либания и его позднейшие версии» (т. 1, с. 62, прим. 165; должно быть «Трактат “Эпистолярные стили” Псевдо-Либания...»); Pérez вместо Pérez Martín (т. 1 с. 123, прим. 388).

¹⁰ Колляция текста выполнена добросовестно. Отмечу частные огрехи: т. 2, с. 133: θηλυδριώδη — в ркп. θηλυθρώδη; т. 2, с. 134: πανευγενεστάτη — в ркп. πανευγενεστάτη; т. 2, с. 136, прим. 941: ἐκ τοῦτο καρδίας ὀδύνη σοι γέγονε — в ркп. τοῦτου; т. 2, с. 140, прим. 964: βλήβης (в ркп. βλάβης), σωτηρίας (в ркп. σωτηρίαν).

т. 1, с. 132: «Если я сам был бы одним из них и пришел бы дать совет, который мне кажется полезным, считая лучшим тот случай, когда кто-либо, выступая, выскажет нечто из того, что является полезным, то в этом не было бы ничего удивительного» (Τούτων εἰ καὶ αὐτὸς ἐγενόμην, καὶ γνώμην ἡγοῦμενος ἀρίστην εἴ τις παρελθὼν εἴποι τι τῶν δοκούντων εἶναι δεόντων, ἤκω συμβουλεύσων ἃ συμφέρειν ἡγοῦμαι, καὶνὸν οὐδέν). В действительности перед нами не ирреальный, а реальный период (без «бы»): «Если я и сам оказался одним из них... и пришел, чтобы дать совет, который, как мне кажется, будет полезен, в этом нет ничего удивительного».

т. 1, с. 182: «Теперь же, едва избежав ухищрений многих врачей, мое тело настолько обессилило» (καὶ νῦν φυγοῦσα μόλις πολλαῖς ἰατρῶν ἐπινοίαις τοιοῦτον ἀπέλιπέ μοι τὸ σῶμα). В действительности субъект этой фразы «болезнь»: «насилу <поддавшись> ухищрениям врачей, она покинула мое тело, оставив его...»).

т. 1, с. 188: «распределившись на вершинах дома и вгрызшись в подпорки» (τὰ τῆς οἰκίας ἄκρα διανειμάμενοι καὶ παρ' αὐτὰ πηξάμενοι χάρακας). Не очень понятно, какой архитектурной реальности соответствует такой перевод. Что такое «вершины дома» и что подпирают «подпорки»? На самом деле, мыши «заняли высоты» (видимо, углы дома) и «выстроили перед ними укрепления».

т. 2, с. 76: «как добровольно отвергающая удовольствия этой конечной жизни, так и как готовящаяся принимать внешние страдания» (ὥσπερ τὰ ἐνήδονα τοῦ λυομένου τούτου βίου ἐκουσίως ἀπεβαλόμην, οὕτως ἐτοιμάσω ἑμαυτὴν καταδέχεσθαι καὶ τὰ ἔξωθεν ἐπώδυνα). Не отражена разница между аористом в 1-й части и футурумом во 2-й.

т. 2, с. 129: «У нее были речь, взгляд и мысль Павла» (καὶ Παῦλος ἦν ἐκείνη τὸ φθέγμα καὶ Παῦλος τὸ βλέμμα καὶ διανόημα). По сути верно, но стоило бы перевести буквально: «Павел был ее речью, и Павел же был ее взглядом и мыслью»).

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5

Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Алевтина Сергеевна Матвеева заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности Факультета гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Луховицкий Лев Всеволодович

29 апреля 2025 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Адрес места работы:

105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4